

21. Цветаева М.И. Стихотворения. — М.: Детская литература, 1986. — 222 с., илл., портр.
22. Шкловский В. Тетива. О несходстве сходного. — М.: Советский писатель, 1970. — 376 с.
23. Щукин В. Г. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. — М.: Российские политические энциклопедии (РОССПЭН), 2007. — 608 с.
24. Gusdorf G. Les sciences humaines et la pensée occidentale // IX: Fondements du savoir romantique. — P., 1982. — P. 336 – 355.
25. Ingarden R. O dziele literackim / Tłum. [пер. с немецкого] M. Turowicz. — Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1960. — 686 с.
26. Szczukin W. Na dół, do nieba. Utopijny dyskurs w architekturze i wystroju moskiewskiego metra (1935–1954) // Homo utopicus, terra utopica. O utopii i jej lekturach / Pod redakcją Ewy Paczowskiej i Jakuba Sadowskiego. T. I. — Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2007. — S. 205 – 220.

О. Л. Лейбович, Н. В. Шушкова

«ИНДИВИД ГЛАЗЕЮЩИЙ»

В ПРОСТРАНСТВЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ГОРОДА

Л.: Определимся с предметом обсуждения для социологии отнюдь не новым: человек в большом городе. Сразу же на память приходят имена Г. Зиммеля, Л. Вирта, или О. Шпенглера. Это из классики. Ближе к нашему времени: А. Мичерлих, Г. П. Бардт. В этом недлинном списке, как видите, преобладают немцы...

Ш.: Совсем не случайно. В Германии урбанизация запоздала, происходила болезненно, с оглядкой на британский опыт, притягивающий и одновременно отталкивающий. Местным интеллектуалам, особенно традиционалистски настроенным — не в последнюю очередь в силу характера полученного образования — процедура осмысления новых явлений сопровождалась большим эмоциональным напряжением. Перед ними вставал один и тот же вопрос: не утратит ли горожанин свою национальную идентичность, не превратится ли из доброго германского бургера в вечное перекаати-поле, в кочевника по асфальтовым джунглям.

Л.: Эта шпенглеровская метафора, на первый взгляд, не слишком удачная (слова подобраны наспех: кочевники, как известно, по джунглям не скачут), создала, тем не менее, впечатляющий образ человека без корней, обреченного скользить по поверхности жизни во враждебной ему, опасной среде. Поверхность, на языке Шпенглера, это, прежде всего, потеря национального чувства, утрата родины. Для германской культуры с ее комплексом государственности, метафора пришлась впору.

Ш.: Шпенглер, если и социолог, то особенный. Его труды скорее принадлежат изящной словесности, а не науке. И к ученым он себя не причислял. По мнению Шпенглера, им – со всеми апробированными методами и инструментами было не дано понять главного — душу человека, или целой культуры. «200 лет цивилизации и оргий научности — и мы будем уже пресыщены ими. И не только отдельные люди, а душа культуры пресытитесь» [9, с. 585]. И другие основатели германской социологии себя с нею отнюдь не идентифицировали. «Георг Зиммель, — читаем мы у В. Лепениса, — сердился, когда его кто-нибудь называл социологом, он себя видел философом» [16, с. 408].

Л.: Замечу только, что переводчик здесь несколько поправил Шпенглера. В аутентичном тексте все уже произошло: «Zweihundert Jahre Orgien der Wissenschaftlichkeit — dann hat man es satt. Nicht der einzelne, die Seele der Kultur hat es satt», или по-русски: «Двести лет оргий научности — и затем ею пресытились. Не только отдельный человек, душа культуры пресытилась» [19, с. 545]. Впрочем, тут редкий случай того, как переводчик, запутавшийся в грамматических конструкциях, оказался прав по существу. Во всяком случае, в нашей стране до пресыщения наукой сменилось не менее трех поколений жителей, или двух поколений горожан.

Ш.: Вернемся, однако, к вопросу: есть ли какие-то новые грани в старом сюжете: человек в большом городе, и можно ли их подвергнуть социологическому анализу, то есть не выходить за границы исследования общественных отношений. Признать, что «... социальное имеет свою собственную причинность». [7, с. 50] и выйти за пределы современной урбанистической мифологии. Шпенглер ошибался, полагая, что сочинять мифы могут только сельские поселяне. Нынешние жители больших городов с этой задачей превосходно справляются, создавая специфический текст, в котором слова чередуются с граффити, архитектурные сооружения с ландшафтами. Время движется по кругу так, что близкими соседями оказываются персонажи, принадлежащие к самым разным эпохам. У этого текста множество соавторов: рассказчиков и слушателей одновременно. И погружение в него является условием принадлежности к коллективному городскому сообществу. Этот городской миф — произведение современной, а не архаической эпохи. И по этой причине, во-

первых, он поддается самым разным интерпретациям; во-вторых, обособленные слои населения и даже отдельные индивиды создают собственную мифологию. И не только обыватели, но и профессионалы... Некогда М. Кастельс всю проблематику городской культуры относил к области мифического и предлагал исследовать ее именно как миф, или как особую классовую идеологию: сознательно сфабрикованную «...путаницу (*fusion-confusion*) между смысловым наполнением определенной экологической формы и установлением для нее особого культурного содержания...» [14, с. 111].

Л.: И «социальное» определить не так просто: множество дефиниций на поверку оказываются плеоназмами: «то, что относится к обществу», или «...характеризует общество»... М. Кастельс, в бытность свою историческим материалистом, предлагал такое решение аналогичной исследовательской проблемы. «Сердцевиной социологического анализа городского вопроса, — писал он, — является изучение городской политики, то есть особой комбинации процессов, называемых «городскими», в пространстве классовой борьбы и, следовательно, деятельности политической инстанции (государственного аппарата)...» [14, с. 307]. Согласимся с ним в главном и обозначим социальное как отношения между группами (классами, стратами, сообществами, кланами и пр.) в определенном городском пространстве. Добавим только одно уточнение: в понятие «отношения» (они же «социальные связи») введем практику социального взаимодействия этих групп с ее особыми и разнообразными технологиями, то есть культуру. Ослушаемся М. Кастельса в одном: не будем сводить социальные отношения к политическим.

Ш.: А может, просто клубок распутаем при помощи антропологических исследовательских процедур. Попытаемся выявить смыслы, которые горожан вкладывают в свои действия, поищем аттракторы, управляющие их поступками, найдем коды, шифрующие их картину мира, и обсудим, с какими сообществами идентифицируют себя жители города. Самые большие перемены обнаруживают себя в этой сфере.

Л.: Физическое пространство бывшего советского города качественно не изменилось. Новые мастер-планы городов, сочиненные зарубежными архитектурными бюро, принадлежат к виртуальной реальности современных утопий: интеллектуальным прорывам в воображаемое будущее. Они хороши для обсуждения в конгрессах, в выездных сессиях международных организаций и пр. На деле, в старые города добавили новые застройки по вкусу нынешних хозяев жизни, заполнив центр «домами без всякого стиля», по выражению Ф. М. Достоевского; обновили фасады, заново раскрасили заборы и реквизировали придомовые пространства для коммерческих целей. Пришедшие в негодность, или наспех отремонтированные заводские сооружения как и прежде заполняют собой значи-

тельную часть городских территорий. Иначе говоря, «жесткая» инфраструктура социальной жизни претерпела минимальные изменения, скорее деградировала, нежели обновилась.

А вот социальная структура города стала принципиально иной. Повторю трюизм, городская социальная структура есть не что иное, как преломление структуры общества в урбанизированном пространстве. Это проявляется в двух основных формах: в организации социального пространства города и в характере т.н. городских отношений.

Приведу две цитации на этот счет, разделенные по времени на целое поколение: 1) «Пространственная организация американского города долгое время отражала социальную структуру его обитателей» [18, с. 715]. 2) «И хотя он (город — Л.) некоторые вещи до какой-то степени фильтрует, то все то, что фильтр пропускает, носит надлокальный характер» [17, с. 100]. Ныне в советский город пришло буржуазное общество с углубленной социальной дифференциацией, новыми группами занятого населения, соответствующими общественными конфликтами. Все это подвержено воздействию дополнительных факторов: феодальной организации производства и бизнеса и культурным шоком, поразившим несколько поколений горожан. Впрочем, феодальную организацию предпринимательства нельзя считать спецификой российского общества. Упомянутый Г. П. Бардт в 1959 году в точно таких же терминах описывал германский менеджмент: «Современная система управления промышленных предприятий, иерархическая бюрократическая организация производства не является продуктом индустриализации, у нее доиндустриальное происхождение» [13, с. 113].

Ш.: Не нужно абсолютизировать черты преемственности в состоянии современного городского пространства по отношению к его советской форме, так как в таком случае мы упустим из виду новые явления, в нем происходящие. Я имею в виду джентрификацию отдельных зон, предназначенных для буржуазного потребления, и пауперизацию бывших заводских поселков. «Облагораживают» в России — вопреки западному опыту — отнюдь не пролетарские окраины, но, преимущественно, центр. Так, в Перми для реализации проекта «культурная столица» выделено 12 – 14 кварталов, примыкающих к краевой администрации. Да, сам процесс джентрификации фактически сводится к поверхностным процедурам: украшению улиц, расстановке временных арт-объектов, росписи фасадов старых зданий, обозначению велосипедных дорожек и, самое главное, выделению мест для выставочных павильонов и концертных площадок. Это никак не «...реконструкция и обновление строений в прежде нефешенебельных городских кварталах...», согласно социологической интерпретации [3, с. 178], и уже тем более, не преобразование района «...с высоким

уровнем безработицы и прочими язвами общества...» в «нарядное, модное и дорогое» место [6]. Что касается пауперизации, то здесь никаких существенных отличий от прежних ее форм обнаружить не удастся: все происходит так, как описано в старых книжках по экономической истории США, или Великобритании.

Л.: Пустующие, приходящие в ветхость промышленные сооружения представляют собой зримый, предметный символ дезиндустриализации городской жизни. Для ее описания применяется несколько метафор: переход к постиндустриализму, создание креативной экономики: «В XXI веке фигурой, влияющей на экономику, возможно, будет художник» [2]. В сегодняшней действительности людей индустриальных профессий вытесняют офис-менеджеры, по старой социальной дефиниции «белые воротнички», или «конторский пролетариат», сегодня все чаще неуважительно называемый «офисным планктоном».

Ш.: С классическим пролетарием эпохи раннего капитализма офисного служащего сближают наемный труд, простота производственных операций, легкая заменяемость и личная зависимость от хозяина. Подобие не означает тождества: у офисного служащего относительно высокий социальный статус; большой объем незанятого времени в течение рабочего дня, малые физические нагрузки и реальные возможности для непосредственных социальных коммуникаций. Человек офисный — это человек болтающий.

С ростом конторского пролетариата меняется соотношение между ключевыми контрапунктами городского пространства: жилищем и рабочим местом. Они сближаются и по своей оснащенности, и по степени комфорта, и по организации пространства, и даже по социальным функциям. Причем, ведущую роль в этом сближении играют частные практики: ритуалы и церемонии корпоративной культуры зачастую являются продолжением соответствующих семейных обычаев: совместные чаепития, «вылазки на природу», коллективные празднования дней рождения и т.д. Более того, технология управления зачастую выстраивается по образцам домашнего патернализма. Если отвлечься от содержания властных отношений, то офис представляет собой адекватную городской культуре производственную среду, позволяющую работнику менять виды деятельности, практиковать самые разные формы презентации, устанавливать и разрывать личные коммуникации, проявлять индивидуальность, но только вне трудовых операций. Иначе говоря, офисный работник — это и есть сегодняшнее воплощение горожанина, то есть индивида, наслаждающегося необязательным общением, привыкшего к комфорту, охотника за удовольствиями, при этом отчужденного от труда и равнодушного к знаниям.

Л.: Получается, горожанин это не социальный фантом, не оболочка, под которой скрывается совсем иное содержание: офисный работник, буржуа, пролетарий, или, если

следовать логике С. Кордонского, человек (отнюдь, не индивид), принадлежащий к определенному сословию: титульному или нетитульному [4]? Это реальный социальный тип?

Ш.: Да, в той степени, в которой урбанизированная среда (экологическая форма) воздействует на поведенческие стратегии перечисленных социальных персонажей, влияет на способы их социальных презентаций, на их самоопределение в социуме, более того, на существующий в их коллективном сознании образ большого мира. Горожанин, следует это подчеркнуть, — явление историческое, изменчивое, отнюдь не равное самому себе в разные эпохи. Черты преемственности сохраняются, что позволяет пользоваться одним и тем же термином для описания поведения людей, принадлежащих и к разным социокультурным группам, и к разным типам обществ, но для социологического анализа более важным представляется выявление конкретно-исторических антропологических типов горожан, а именно, горожан постсоветской эпохи.

Л.: Постсоветской, или постфордистской?

Ш.: На мой взгляд, постфордистский тип личности в нашей стране окончательно сформировался, более того, стал доминирующим именно в постсоветское время. Советский город — это изначально агломерация рабочих поселков при заводах, или по своей экономической природе, социальная инфраструктура производства, однотипная с коллективными средствами потребления, обеспечивающими и поддерживающими процесс обращения капитала в буржуазных обществах [15]. И горожанин в такой социальной ситуации формируется, прежде всего, как квалифицированный заводской работник массовых специальностей. Для решения этой задачи, с которой городская семья справиться не может, требуется особый инкубационный период, по содержанию и по времени совпадающий со школьным образованием. В течение продолжительного времени горожанин осваивает ценность специализированного научного знания, дисциплинарные практики, и, в качестве побочного продукта образовательной деятельности, дополнительные социальные компетенции, позволяющие ему формулировать личные цели, опираться при их достижении на существующие социальные сети, или самому их создавать по чужим образцам, соизмерять собственные ресурсы с поставленными задачами, разбираться в не явном, многомерном и сокрытом под множеством идеологем социальном мире, конструировать собственную идентичность, а с нею и приемлемые формы ее презентаций.

Л.: В общем, человек советского индустриального города представлял собой сложную социальную конструкцию. Живой Голем с натренированным интеллектом, умением рассчитывать последствия своих действий, более того, создавать и адаптировать програм-

мы поведения в разных социальных ситуациях, к тому же не просто обладающий производственными компетенциями (квалификацией), но и знающий им ценность.

Вместо души компьютер; вместо нравственности — целесообразность, но все по науке. Согласимся, что это скорее карикатура, нежели типологическое обобщение, тем более, что множество людей с задачами такого рода справиться не могли...

Ш.: И, что называется, сходили с круга, прятались во внутренней эмиграции, основали «поколение дворников», просто спивались, не выдержав напряжения. Девиации такого рода удостоверяют реальность типажа. У него было и вполне адекватное социальное воплощение — советский инженер: человек с техническим образованием, достойным социальным статусом, возможностями для производственной и государственной карьеры, обширными социальными связями, достаточными для того, чтобы пользоваться наличными услугами, продуктами и предметами быта. Диплом, квартира, автомобиль, дача — четыре стороны магического квадрата, заключавшего в себе социальное положение типичного советского горожанина.

Л.: Все-таки советский горожанин — это человек, прежде всего, работающий и по этой причине предъявляющий к содержанию труда повышенные требования: «В советское время интересная работа являлась самозначимой ценностью, зачастую не связанной с получаемой зарплатой» [1]. Впрочем, это вовсе не означает, что советские рабочие не нуждались в деньгах, напротив, во всех исследованиях трудовых отношений, проводимых в эпоху позднего социализма, обнаруживалось преобладание сугубо инструментального отношения к труду — за деньги [12]. Предприятие к тому же было и центром потребления: в нем к дополнению к деньгам можно было получить допуск к продуктам, товарам и услугам, в т.ч.: ордер на квартиру, талон на покупку автомобиля, продовольственный пакет к празднику, путевку на курорт и т.д., то есть доступ к благам городской цивилизации.

Впрочем, отношение советского горожанина к заводу было противоречивым. Дело в том, что освоенные урбанистические модели поведения: умение выбирать и вкус к этому занятию, прелесть фланирования по центральным улицам, интерес к новым вещам и удовольствиям — всему тому, что спонтанно формировала городская среда, на заводе были либо востребованы в минимальной мере, либо просто подавлялись: рутинными операциями, дисциплинарными практиками, скудостью производственного быта, однообразием предметной среды. Множество рабочих массовых профессий по отношению к их трудовым функциям имели избыточное образование. Культурные противоречия, сложившиеся на основе городской культуры, приводили к отчуждению от труда в самых разных формах — вплоть до самых деструктивных: нарушений технологической дисциплины, прогулов,

мелких хищений. Парадоксальность ситуации состояла в том, что советский горожанин становился таковым, благодаря промышленному предприятию, на котором он не мог в полном объеме реализовать свою урбанистическую культуру.

Ш.: У него была альтернатива: строить свой маленький кухонный капитализм, в нем реализуя свои невостребованные компетентности. Тем не менее, в любых ситуациях мы видим человека считающего, управляющего своим временем, умеющего выбирать поведенческие стратегии в зависимости от меняющихся условий. Правда, социальное поле для этих переменных оставалось на протяжении жизни тождественным самому себе, понятным, нормированным, расчерченным по секторам. Для индивидуальной мобильности — все равно вертикальной, или горизонтальной, были выделены каналы, установлена «плата за вход» (образование + социальные сети), обозначены предварительные условия, более того, на промежуточных этапах были установлены указатели — общепризнанные символы успеха. К социальным свойствам советского горожанина надо бы добавить еще одно — бдительность. При ее помощи он мог отслеживать, как выглядит со стороны его стремление к успеху, насколько его поступки укладываются в признанные нормы, не нарушают ли его соперники негласные конвенции, прибегая к недозволенным методам — и соответственно реагировать на нарушения.

Л.: Постсоветские горожане с завода ушли — не все, естественно, но многие. Ушли не в креативную экономику, но в офисную. Для того, чтобы в ней адаптироваться, нужно значительно меньше знаний, нежели в производственной. Система образования быстро приспособилась к новой ситуации, снизив объем знаний, осваиваемых учащимися, в том числе и студентами вузов, и упростив техники обучения. Книжная культура, бывшая в индустриальную эпоху, стержнем культуры общей и профессиональной, теряет свою значимость, а с нею сокращаются и компетенции горожан в аналитических практиках. Умение читать означает распознавать смыслы, скрытые за множеством знаков. Неумение читать, в свою очередь, предполагает отождествлять знак и содержание. В таком случае зрительный образ (картинка, иконка) становится и наиболее ясным, и наиболее востребованным видом текста. Газету заменяют теленовости; книгу — комикс с движущимися картинками, техническое описание товара — его рекламное изображение.

Ш.: Это то, что Алексей Иванов назвал пиксельным мышлением, или архетипом повсеместной практики, а именно: «...механическим сложением картины мира из кусочков элементарного смысла»; в нем нет стимулов для познания, тождество исходного пункта и результата и «презумпция собственной правоты» [11].

Л.: На деле, это возвращение, конечно, на сниженном уровне, к культуре средневековой, традиционной, созерцательной. Человек глазеющий, простак, «гурон», попавший в чужой мир — этот литературный персонаж, по праву принадлежащий Эпохе Просвещения, но родившийся в более раннее время: «Иванушка-дурачок» русских сказок. Может быть, стоит напомнить, что в нашем исследовании 2000 года автопортрет пермских жителей по выразительности и красочности очень напоминал этот образ. [5, с. 50, 63 – 64]. Возвращение это вряд ли можно объяснить привходящими факторами: культурным шоком, кризисом образования, или спецификой социальной карьеры отечественных «шевалье д'индустрии», рыцарей первоначального накопления. Причины, на мой взгляд, следует искать глубже: в характере российского общества. Вчитаемся в понятийный аппарат С. Кордонского: «поместное общество», «титularyные сословия»... Ничего не напоминает? В таких терминах описывают классическое феодальное общество, что, собственно, и сделал В. Шляпентох, предложивший в «качестве инструмента для изучения постсоветской России "феодальную модель"» [8, с. 12].

Ш.: Шляпентох не считает ее единственно возможной. Он сторонник сегментированного подхода, «...который предполагает сосуществование в каждом обществе разных типов социальной организации» [8, с. 281], в т.ч. и феодальной. Но только в том числе. И если ранее социализм представляли как переходный период от капитализма к капитализму, то нужны весомые аргументы — не аналогии, чтобы сменить формулу на переход к феодализму.

Л.: У Шляпентоха есть система доказательств: слабость центральной власти, «некоторые субъекты постсоветского общества», доминирующая роль неформальных личных связей, частные армии [8, с. 282 – 292]. Можно считать ее неполной, но усомниться в ее содержательности все-таки нельзя. Добавим к ней аргумент от культуры — патернализм, свойственный традиционному обществу. Во всяком случае, результаты Вашего исследования близки к выводам С. Кордонского и В. Шляпентоха [10].

Ш.: Если речь идет о сегменте общественной организации, то это так, но не более. Сословия С. Кордонского — во многом, статистические группы. Ему не удалось пока обнаружить того, что Маркс некогда называл «классом для себя», то есть четкую идентификацию своего «я» с сословной принадлежностью, за исключением чиновничества гражданского и военного. Вряд ли их можно отождествить, или уподобить и средневековым корпорациям. Во всяком случае, защитная функция у них выражена очень слабо. Профессиональные сообщества без особого сопротивления выдают на расправу своих сочленов...

Л.: Может быть, такое поведение объясняется тем, что феодальный уклад в нашем обществе переживает свой утробный, или младенческий период и, стало быть, его институты недостаточно развиты. На самом деле, невозможно отрицать присутствия в нашей культуре дофеодального магического сознания, многоцветия мифов, дохристианских по своему происхождению: о хтонических героях и чудовищах, о вечном русском космосе, окруженном западным хаосом и т.д., и т.п. С ними сосуществует вера в чудо, в магию чисел, силу амулетов и заклинаний. И церемонии отечественного капитализма восходят скорее к похождениям олимпийских богов, чем к собраниям братских гильдий, или цеховых общин. Судя по этим признакам, наши города сегодня напоминают античный Рим, нежели свободные общины позднего Средневековья. Примем эту гипотезу, и тогда все встанет на свои места: и примат развлечений над трудом, и горожанин, живущий непосредственными впечатлениями, по ним выстраивающий свое поведение, и постоянное воспроизводство городских мифов...

Ш.: С этим можно согласиться только при одном условии: высказанная гипотеза не характеризует всей полноты социальной жизни; она, во-первых, касается лишь части горожан, нашедших в досуге высшую ценность, а во-вторых, она не объясняет все их социальное поведение, более сложное по своему составу, не сводимое к непосредственным реакциям на живые картины, будь-то реклама, или предвыборный слоган... И здесь российская специфика не является первичной: индивид постфордистской эпохи, несмотря на все свои социальные компетенции, большой объем досуга и насыщенное знаниями содержание труда, а может быть, и благодаря им, переориентировал свою активность, сделавши себя доверчивым, искусным и изобретательным потребителем готовых товаров и услуг. И человек глазеющий – лишь одна из ипостасей индивида потребляющего.

Список литературы и источников

1. Бессокирная Г. П., Темницкий А. Л. Сопоставление статистик отношения к труду советских рабочих в 60-70-е годы и российских в 90-е (по данным пяти исследований)// Человек и его работа в СССР и после: Учебное пособие для вузов / Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. 2-е издание, исправленное и дополненное. — М.: Аспект Пресс 2003. — 485 с. — URL: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Chelovek_Yadov/Ch3_Gl2_Chelovek.pdf.

2. Марат Гельман: Если сравнивать с искусством, то политика в Украине кажется мне пошловатой // Украинская Правда. 11 листопада 2009. — URL: <http://www.pravda.com.ua/articles/2009/11/11/4305917/>.
3. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. В 2-х томах: Пер. с англ. Н. Н. Марчук. — М.: Вече, АСТ, 1999.
4. Кордонский С. Сословная структура постсоветской России. М: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008.
5. Лейбович О. Стегний В. Кабацков А. Шушкова Н. Образ «другого» в социальном сознании горожан (по материалам социологического исследования межнациональных отношений в г. Перми) // Мир России. 2004. № 2. — С. 43 – 65.
6. Ромашкевич А. Октябрьфест // Rolling Stone. 2 Ноября 2011. — URL: <http://www.rollingstone.ru/articles/city/article/9463.html>.
7. Филиппов А.Ф. Георг Зиммель как классик социологии // Новое и старое в теоретической социологии. Кн.2. М.: ИСИ РАН, 2001. — С.43 – 55.
8. Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. — М.: Столица-Принт, 2008. —368 с.
9. Шпенглер О. Закат Европы. Образ и действительность. Т. 1. — М.: Мысль, 1993. — 592 с.
10. Шушкова Н. Социология современного патернализма. — Вашингтон: РусГенПроект, 2010. —294 с.
11. Щербинина Ю. «Просто найдись...» // Волга. 2009, № 1-2. — URL: <http://magazines.russ.ru/volga/2009/1/sh18.html>.
12. Ядов В. А. Отношение к труду: концептуальная модель и реальные тенденции// Социол. исслед. 1983. № 3. — С.50 – 62.
13. Bahrtdt, H. P. Die Krise der Hierarchie im Wandel der Kooperationsformen // Soziologie und moderne Gesellschaft: Verhandlungen des 14. Deutschen Soziologentages vom 20. bis 24. Mai 1959 in Berlin. Busch, Alexander (Ed.) — Stuttgart: Ferdinand Enke, 1959. — S. 113 – 121.
14. Castells M. La question urbaine. — Paris: François Maspero, 1972.
15. Knigge R. Infrastrukturinvestitionen in Großstädten. — Stuttgart: Kohlhammer, 1975.
16. Lepenies W. Die drei Kulturen. Soziologie zwischen Literatur und Wissenschaft. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2006.
17. Oswald H Die überschätzte Stadt. Ein Beitrag der Gemeindefsoziologie zum Städtebau. Freiburg: Olten De Gruyter (Dissertation).1966.

18. Scherzer K.A. Social Structure of Cities//Encyclopedia of Urban America. The Cities and Suburbs. Vol.2. / N. L. Shunsky Editor. — Santa Barbara – Denver – Oxford: ABC – Clio, 1998. — P.715 – 719.
19. Spengler O. Der Untergang des Abendlandes. Bd.1. — München: Beck Verlag, 1917.